

Трансформация роли России в мировой финансовой архитектуре в условиях геополитических вызовов

Антон Викентьевич Навой

E-mail: Ant.navoy@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7058-4257
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва 125167, Российская Федерация

Аннотация

Статья посвящена эволюции мировой финансовой архитектуры в контексте современных геополитических вызовов. Вводится понятийный аппарат мировой финансовой архитектуры (МФА) в увязке со структурой мировой финансовой системы. Обосновывается тезис о трансформации структуры мировой финансовой архитектуры (МФА) в направлении создания параллельного контура управления — неформальных институтов (форумов), действующих в тесной увязке с международными финансовыми институтами, облеченными широкой международно-правовой компетенцией и осуществляющими «мягкое» регулирование глобальных финансовых отношений на основе стандартов и кодексов. Дается оценка места Российской Федерации в МФА, делается вывод о второстепенных позициях России в институтах МФА, намечаются контуры основных трансформаций роли Российской Федерации в МФА в направлении координации деятельности с другими крупными развивающимися экономиками, более активного продвижения национальных интересов в процессе создания кодексов и стандартов, реактивации дискуссии по формированию признанных международных средств платежа, независимых от эмитентов резервных валют.

Ключевые слова: глобализация, международные финансовые организации, международная финансовая архитектура, мировая финансовая система, МВФ, ООН

JEL: F30, F33, F37

Финансирование: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Для цитирования: Навой А. В. Трансформация роли России в мировой финансовой архитектуре в условиях геополитических вызовов // Финансовый журнал. 2022. Т. 14. № 6. С. 111–123. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2022-6-111-123>.

© Навой А. В., 2022

<https://doi.org/10.31107/2075-1990-2022-6-111-123>

The Transformation of Russia's Role in the Global Financial Architecture in the Context of Geopolitical Challenges

Anton V. Navoy

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow 125167, Russian Federation

Ant.navoy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7058-4257>

Abstract

The article focuses on the evolution of the global financial architecture in the context of geopolitical challenges. It introduces the conceptual apparatus of the global financial architecture (GFA) in conjunction with the structure of the global financial system. It then substantiates the thesis of GFA structure transformation towards establishing a parallel control circuit – informal institutions (forums) acting in close coordination with international financial institutions with broad international legal competence and implementing “soft” regulation of GFA on the basis of international standards and codes. The position of the Russian Federation in GFA is identified, and a conclusion about Russia's secondary position in MFA institutions is made. The direction of transformations of Russia's role in GFA are outlined: coordination of activities with other large developing economies; proactive position in the discussion of codes and standards, renewal of discussion on the formation of an international payment system independent of the reserve currency issuers.

Keywords: *globalization, global financial architecture, global financial system, IMF, UN*

JEL: *F30, F33, F37*

Financing: *The article is based on the results of the research conducted at the expense of the budgetary funds by the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.*

For citation: *Navoy A.V. (2022). The Transformation of Russia's Role in the Global Financial Architecture in the Context of Geopolitical Challenges. Financial Journal, vol. 14, no. 6, pp. 111–123 (In Russ.). <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2022-6-111-123>.*

© Navoy A.V., 2022

ВВЕДЕНИЕ

Задача купирования глобальных дисбалансов и разрушительных волн мировых валютно-финансовых кризисов обусловила реактивацию дискуссии о мировой финансовой архитектуре (далее также — МФА) как управляющего и координирующего органа мировой финансовой системы, действующего в целях ее стабилизации. Контурсы МФА, равно как и принципы ее построения в условиях вызовов нового типа, становятся предметом широкого общественного интереса. Наряду с традиционными международными финансовыми институтами все более значимое место в МФА занимают новые неформальные структуры (форумы), претендующие на роль центров «интеллектуального» оперативного «мягкого» управления мировым финансовым рынком. Особую важность для МФА приобретают кодексы и стандарты поведения, призванные не допустить возникновения очагов нестабильности, стимулировать «кризисоустойчивое» поведение участников рынка на основе обобщения лучшей мировой практики.

Тем не менее оценка степени эффективности новых элементов МФА и методов управления остается дискуссионным вопросом. Наряду с позитивными эффектами система «мягкого» права имеет целый ряд внутренних изъянов: отсутствие международной легитимности принимаемых решений, недостаток демократизма, вовлеченность в отстаивание интересов развитых стран. Это делает актуальной задачу выработки методологических подходов к анализу институциональной и функциональной структуры МФА в целях формирования позиции Российской Федерации в отношении участия в ее институтах. Этой проблеме и посвящена данная статья.

СТРУКТУРА МФА

Термин «мировая финансовая архитектура» появился относительно недавно. В общем смысле под «архитектурой» понимается фундаментальная организация системы, реализованная в ее компонентах, связях этих компонентов друг с другом и внешней средой и принципах, определяющих структуру и развитие системы¹.

Таким образом, понятие «архитектура» увязано с системой и предполагает наличие органа управления и иерархии элементов. В применении к глобальной финансовой системе понятие «архитектура» стало использоваться на рубеже XXI столетия в контексте попыток повышения ее управляемости. Например, Г. Браун рассматривает МФА как «кодексы поведения, новый глобальный регулятор и международный меморандум понимания, четко определяющий ответственность за предупреждение и урегулирование кризисов»².

МВФ тесно увязывает МФА с антикризисным регулированием и укреплением финансовой системы. Первые упоминания о МФА находим в публикациях 1998 г.³, позже МВФ дал следующую дефиницию МФА: «институты, рынки, правила игры и практика, которых правительство, бизнес обычно придерживаются в своей экономической и финансовой деятельности»⁴.

В докладе Группы Всемирного банка (ГВБ) также подчеркивается антикризисный контекст МФА: «комплекс инициатив и мер, направленных на предотвращение кризисов и смягчение их последствий в интегрированной международной финансовой среде»⁵. В том же контексте, с позиций укрепления глобальных страховочных сетей и облегчения доступа к международной ликвидности⁶, рассматривает МФА и «Группа 20».

Российские ученые в определении МФА придерживаются институционального подхода. По мнению В. В. Архиповой, «это совокупность формальных и неформальных связей и институтов, руководящих правил и стандартов, применяемых субъектами хозяйственной деятельности в финансовом секторе глобальной экономики» [Архипова, 2015]. Ученые Финансового университета подчеркивают, что функционирование МФА тесно увязано со средой — мировой финансовой системой (МФС) и нацелено на достижение внутренней и внешней сбалансированности мировых финансов. С институциональной точки зрения МФА функционирует на национальном, региональном, международном и глобальном уровнях и включает в себя «институты, инструменты финансового рынка, а также обязательства, правила и нормы, направленные на внутреннюю и внешнюю сбалансированность системы мировых финансов» [Звонова и др., 2016].

¹ ANSI/IEEEStd 1471-2000, *Recommended Practice for Architectural Description of Software-Intensive Systems*, 2000.

² Brown G. *A New Global Financial Architecture* // *The Wall Street Journal Europe*. 06.10.1998.

³ *Summary of Reports on The International Financial Architecture* / IMF, October. 1998.

⁴ *Reform of the Global Financial Architecture* / IMF Annual Report, 2000. P. 35.

⁵ *International Financial Architecture: A progress report information note by World Bank Staff*, July 12, 2005.

⁶ *Strengthening the global financial safety net by broadening systematic access to temporary foreign liquidity* / G20, 2021. URL: https://www.g20-insights.org/policy_briefs/strengthening-the-global-financial-safety-net-by-broadening-systematic-access-to-temporary-foreign-liquidity/.

Мы поддерживаем точку зрения о взаимосвязи МФА и МФС. При этом сущность такой взаимосвязи требует пояснения. Так, Е. А. Звонова считает, что МФС является «формой организации и регулирования мировых финансовых отношений, закрепленной нормами международного права, международными и региональными соглашениями, национальными законодательствами стран-участниц» [Звонова и др., 2016], то есть МФС отождествляется с МФА. Нам же представляется, что МФА, функционирующая на основе формализованных и неформализованных кодексов, сводов правил поведения, принципов, а также институтов, осуществляющих международное регулирование, выступает своего рода «каркасом», на основе которого выстраивается система финансовых отношений, опосредуемых в МФС. Иными словами, МФС выступает иерархией элементов, а МФА — управляющим органом. При этом МФА, представленная сводом правил и норм поведения, а также институтами, которые эти правила создают, находится в отношении подчинения. МФА, как орган управления системой, отвечает не только за весь комплекс прямых и обратных связей между институтами и рынками МФС, но и за постановку целей МФС, контроль за их достижением и механизмом принятия решений.

Активизация научной дискуссии о роли МФА как «несущей конструкции» МФС, по нашему мнению, обусловлена кристаллизацией целей и задач глобального финансового капитала⁷. Во-первых, его экспансия на новые экономические пространства требует максимальной либерализации его перемещения на глобальном финансовом пространстве, причем на международном уровне нужно закрепить правила, в соответствии с которыми национальные регуляторы не должны ограничивать свободу движения капитала односторонними действиями. Во-вторых, глобальный финансовый капитал заинтересован в фиксации привилегированного положения стран его происхождения в институтах МФА. В-третьих, усиление роли МФА как управляющей координирующей структуры ведет к многократному увеличению объема финансовых потоков на глобальном рынке, и неспособность национальных регуляторов противостоять разрушительным последствиям их перемещения требует создания наднациональной системы управления.

На наш взгляд, указанные причины определили институциональное и функциональное оформление МФА.

С институциональной точки зрения МФА представлена наднациональными институтами, которые устанавливают контроль над глобальными финансовыми потоками и подчиняют в явной и скрытой формах национальных регуляторов (минфины, центральные банки, надзорные органы). Наднациональные институты МФА трансформируются в бюрократический механизм, «штаб», осуществляющий контроль за движением глобального финансового капитала.

В контуре МФА национальные регуляторы отдельных стран перестают быть несущей конструкцией управления, они превращаются в своеобразное передаточное звено, используемое для доведения импульсов глобального регулирования до уровня национальных хозяйств. Сами национальные регуляторы в сложившемся контуре МФА постепенно передают свои компетенции в регулировании финансового рынка наднациональным институтам, входящим в МФА.

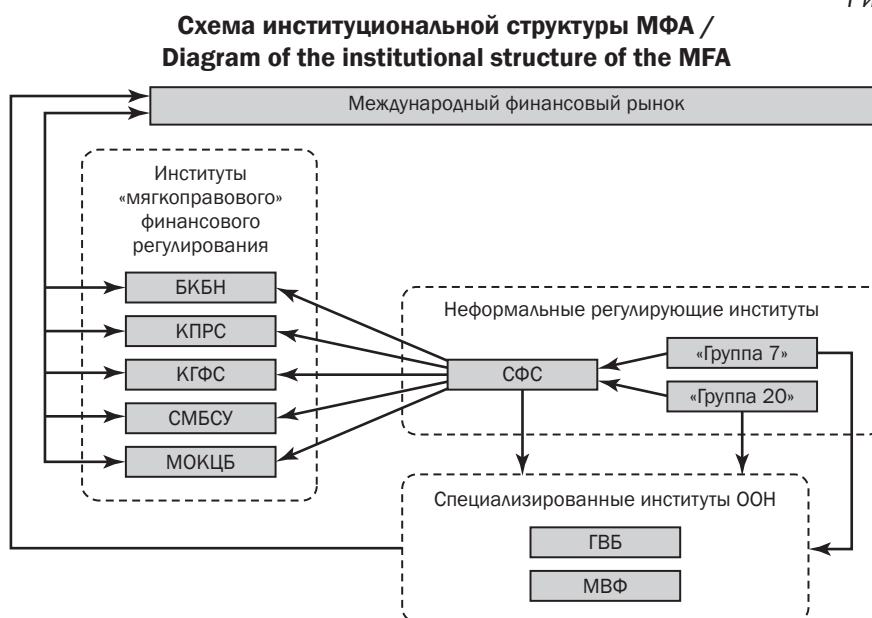
По мнению Ю. В. Шишкова, «мировая финансовая система стала практически независимой от государственного контроля и регулирования... национальные государства со своими регуляторами оказались как бы островами в глобальном финансовом океане» [Шишков, 1999]. В этих условиях наднациональное регулирование финансовой системы

---

⁷ Под глобальным финансовым капиталом мы понимаем высокоорганизованный, интегрированный банковский и небанковский капитал, представленный в разных видах деятельности и имеющий различные временные и пространственные формы, нацеленный на завоевание экономической власти в национальных границах и в мировом масштабе.

стало постепенно вытеснять регулирование на национальном уровне, а часть регуляторных компетенций стала передаваться на глобальный уровень. В. Кузнецов так описывает данную ситуацию: «Даже на своей собственной территории государство перестает быть единственным субъектом, которому дозволено осуществлять законное принуждение ради сохранения общественного порядка. Из его рук уходит... финансовая регламентация...» [Кузнецов, 1998]. К числу основных институтов, входящих в контур МФА, относятся МВФ и ГВБ, «Группа 7», «Группа 20», Совет по финансовой стабильности (СФС) и другие организации (рис. 1). Имея различные компетенции в системе международного права, данные институты осуществляют контрольные полномочия, а также могут прибегать к использованию механизма международных санкций, что позволяет рассматривать их как элемент МФА.

Рисунок 1

*Примечание: БКБН – Базельский комитет по банковскому надзору, КПРС – Комитет по платежным и расчетным системам, КГФС – Комитет по глобальной финансовой системе, СМСБУ – Совет по международным стандартам бухучета, МОКЦБ – Международная организация комиссий по ценным бумагам.
Источник: составлено автором / Source: compiled by the author.*

В центре институциональной структуры МФА находятся специализированные финансовые институты, созданные в соответствии со ст. 57 Устава ООН, – МВФ и ГВБ. МВФ согласно уставным документам отвечает за поддержание стабильности мировой валютно-финансовой системы и в рамках своих полномочий имеет право создавать правила поведения, являющиеся обязательными для стран-участниц. Решения МВФ являются полноценным источником международного права и санкционированы волей международного сообщества (ООН). Регуляторные функции МВФ и ГВБ базируются на системе ратификации норм международного права национальными законодательными органами.

Тем не менее в рамках современной МФА все больший акцент смещается в направлении институтов, не связанных с ООН. Это – международные организации, осуществляющие регуляторные компетенции на основе юридически необязательных договоренностей – «мягкоправовых» конструкций (коммюнике, итоговых заявлений, кодексов надлежащей практики, рекомендаций и пр.).

Относительно новым институтом принятия управленческих решений на глобальном финансовом рынке стали так называемые международные форумы. Исторически первым

форумом подобного типа является «Группа 7»⁸, которая, по мнению некоторых исследователей, стала альтернативой действовавшей МФА с претензией на «мягкое» управление глобальной финансовой системой на основе устных, не афишируемых договоренностей стран — лидеров мирового хозяйства [DeGuttry, 1994]. Значимость стран «Группы 7» с точки зрения глобальной экономики (около половины глобального промышленного производства, 60% мировой торговли) и доминирования в международных финансовых организациях (более половины голосов в МВФ, большинство голосов в Банке международных расчетов (БМР)) позволяет ей имплементировать достигнутые устные договоренности в систему управленческих решений международных финансовых организаций [Пенттиле, 2007]. Это подтверждает участие с 1996 г. в форумах «Группы 7» представителей основных международных финансовых институтов, МВФ, ГВБ («новое глобальное партнерство в рамках развития»), что позволило реализовывать принятые решения «Семерки» в систему международного права.

Основные принципы деятельности «Группы 7» нашли отражение в деятельности «Группы 20». Преобразование формата «Группы 7» в «Группу 20» отразило возросшую экономическую и политическую роль развивающихся экономик. «Группа 20» призвана разрешать возникающие глобальные финансовые проблемы на основе более широкого консенсуса между крупнейшими развитыми странами и усилившимися формирующимися рынками.

Как и в случае «Группы 7», в основе управленческого потенциала «Группы 20» лежит экономическое и политическое доминирование (на долю стран «Двадцатки» приходится около 90% мирового ВВП, 80% мировой торговли и 64% населения), а также большинство голосов в основных международных финансовых институтах (МВФ, ГВБ, БМР и др.). Роль «Группы 20» возросла в ходе мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., когда клуб был провозглашен главным форумом для обсуждения экономических проблем стран-участниц (Вашингтонский саммит 15 ноября 2008 г.)⁹.

Отличительной особенностью «Группы 20» стала усилившаяся связь с МФИ, а также возросшая роль участия представителей центральных банков и министерств финансов, вошедших в национальные делегации. Но управленческие принципы «Группы 20» остались близкими к подходам «Группы 7». В их основе — консенсуальный принцип принятия решений, подготовленных на уровне экспертных рабочих групп. При этом, согласно принципиальной позиции лидеров «Группы 20», за форумом сохранился статус неформальной организации (3–4 ноября 2011 г., Канны).

Итоговые заявления, коммюнике и протоколы заседаний являются основными документами «Группы 20», в которых отражаются основные решения в области глобального финансового регулирования. Они подписываются представителями высших органов исполнительной власти государств-членов — президентами и руководителями правительств, что гарантирует их будущую имплементацию на уровне национального законодательства. На основании итоговых документов (коммюнике) формируется план ключевых проблем глобального регулирования «Группы 20» на следующий год, а также утверждается состав экспертных рабочих групп, в которых будут обсуждаться дискутируемые вопросы.

Отличительной чертой «мягкого» регулирования в рамках «Группы 20» являются расплывчатые формулировки основных выводов: итоговые коммюнике, как правило, носят декларативный характер, отражающий консенсус в принятии решений на форуме. Неопределенность формулировок итоговых документов позволяет международным финансовым институтам (МВФ, ГВБ, БМР, ОЭСР, СФС) достаточно вольно их интерпретировать

⁸ «Группа 7» сформирована в 1975 г. в г. Рамбуйе (Франция), она включала семь ключевых стран западного мира (США, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Канада, Италия). С 1977 г. постоянными участниками встреч являются глава Европейской комиссии и лидер председательствующей в ЕС страны.

⁹ Pittsburgh summit declaration. URL: www.g20.org.

и закреплять в актах «мягкого права» (кодексах, руководствах, методиках) на основе экономических интересов наиболее влиятельных стран — участниц этих организаций.

Впоследствии посредством формальных обязательств стран-участниц перед международными финансовыми организациями (проведение технических консультаций, проверок и др.) и через систему скрытых рычагов воздействия («дружеские проверки», «публичные порицания», ухудшение условий привлечения капитала) акты «мягкого права», изданные МФИ, интегрируются в национальное законодательство стран — членов форума [Brummer, 2010].

Таким образом, по нашему мнению, в рамках глобальных экономических форумов сформирован новый параллельный контур принятия управленческих решений в МФА. Ядром этого контура выступает принятие решений не всеми странами международного сообщества, а лишь узким кругом стран — лидеров мирового хозяйства и крупнейших экономик, обеспечивающих легитимность принятых решений через совместное влияние на аппарат управления международными финансовыми институтами.

Слабостью структуры нового контура МФА, помимо отсутствия демократизма в принятии глобальных решений, по нашему мнению, выступает неразвитость процедуры контроля за исполнением принятых решений и отсутствие полноценного международного бюрократического аппарата, который на регулярной основе координировал бы усилия международных финансовых организаций и национальных регуляторов. Для преодоления данного пробела в тесной связи с «Группой 20» был создан Форум финансовой стабильности, впоследствии преобразованный в Совет финансовой стабильности (СФС).

Международный мандат СФС — координация в области надзора за финансовыми рынками в целях обеспечения финансовой стабильности. СФС координирует работу как международных финансовых институтов, так и национальных регуляторов. При этом в отличие от «Группы 20» СФС создан и функционирует под техническим управлением БМР как постоянно действующий международный орган, имеющий собственный секретариат и наделенный рядом международных компетенций.

В основе статуса СФС — статьи Устава¹⁰, однако мандат СФС сформулирован довольно расплывчато¹¹. Тем не менее в Уставе закреплены координирующие компетенции СФС по взаимодействию международных финансовых институтов и национальных регуляторов: Совет «будет содействовать международным организациям в разработке стандартов и помогать координировать их деятельность, а также разъяснять вопросы разграничения компетенций в свете изменений в национальных и региональных регуляторных механизмах, имеющих отношение к пруденциальным рискам, системному риску, противодействию недобросовестным рыночным практикам и защите прав инвесторов и потребителей финансовых услуг...» (ст. 2 Устава СФС).

Закреплены и уставные обязательства государств — членов СФС в лице национальных регуляторов, отвечающих за финансовую стабильность, — поддерживать открытость и прозрачность финансового сектора, соблюдать международные финансовые стандарты, а также их обязанность осуществлять экспертные оценки финансового сектора. В Уставе отмечено: «Организации по разработке стандартов будут отчитываться перед СФС о своей работе без ущерба для существующих механизмов их отчетности или для их независимости... Это не должно подрывать независимость процесса установления стандартов, а должно укреплять поддержку международным сообществом установления здоровых стандартов, делая этот процесс еще более открытым» (ст. 5 Устава СФС).

---

¹⁰ *Financial Stability Board Charter*. URL: <http://www.financialstabilityboard.org>.

¹¹ Основными целями деятельности СФС выступают: совершенствование функционирования финансовых рынков; определение уязвимых мест финансовой системы; укрепление финансовой стабильности во всех регионах мира; уменьшение системного риска путем информационного обмена и международного сотрудничества между национальными и международными органами надзора (Article 2).

Функционально структура МФА реализуется в выработке и внедрении в практику деятельности как участников финансовых рынков, так и национальных регуляторов стандартов проведения (кодексы надлежащего поведения, обычаи делового оборота, наилучшие практики, принципы, рекомендации и др.). Целью формирования таких норм, по нашему мнению, является цементирование либеральной доктрины функционирования глобального финансового рынка, в том числе в форме выработки единых подходов национальных регуляторов к контролю за потоками капитала, проведению валютной политики, унифицированных стандартов регулирования рынка ценных бумаг, платежно-расчетной системы и др.

По нашему мнению, конечной целью формирования функциональных основ МФА является максимальная «расчистка» глобального финансового пространства для движения финансового капитала и облегчение его проникновения на национальные финансовые рынки отдельных стран.

Первые шаги в стандартизации подходов к валютному регулированию были закреплены в рамках статей Соглашения МВФ (ст. VIII, IV), а также на уровне Кодекса по либерализации движения капитала ОЭСР (постепенное ослабление ограничений на движение капитала между резидентами стран, входящих в ОЭСР).

Качественно новый этап создания международных финансовых стандартов начался с созданием СФС. В своем Уставе СФС определил перечень «организаций, устанавливающих стандарты» (*standards-setters*), включив в него следующие институты: Базельский комитет по банковскому надзору (БКБН), Комитет по платежным и расчетным системам Банка международных расчетов (КПРС), Комитет по глобальной финансовой системе (КГФС), Совет по международным стандартам бухучета (СМСБУ), Международную ассоциацию страховых надзоров, Международную организацию комиссий по ценным бумагам (МОКЦБ)¹². Эти организации выступают в роли ключевых мировых финансовых регуляторов, а создаваемые ими международные финансовые стандарты — в роли основных элементов системы «мягкоправового» международного финансового регулирования [Brummer, 2010].

В настоящее время действует около 70 стандартов, из которых 17 признаются СФС в качестве ключевых для глобальной финансовой стабильности, поддерживаются и обновляются на регулярной основе¹³. Основополагающие 17 международных стандартов сведены СФС в Компендиум стандартов, который определяет основы регулирования в 12 сферах международных финансовых отношений¹⁴.

Разработка стандартов обычно включает формулировку проблемы на уровне повестки заседания «Группы 20». После обсуждения на форуме и отражения консенсуального решения в итоговом коммюнике предлагаются направления решения проблемы, а также выбирается один из мировых финансовых регуляторов для разработки соответствующих правил [Кудряшов, 2014].

Далее, процесс создания стандарта переходит в организационно-техническую плоскость: создается рабочая группа, которая формирует проект регулирующего документа, проводятся дискуссии и консультации с заинтересованными организациями-регуляторами, на основе обработки собранной информации закрепляется конечный текст кодекса, который и представляется на заседание «Группы 20». В случае одобрения проекта стандарта СФС обращается к МВФ или иному международному финансовому регулятору с предложением обеспечить меры по внедрению нового кодекса в национальное

---

¹² Charter of the Financial Stability Board, June 2012. URL: http://www.financialstabilityboard.org/publications/r_120809.pdf.

¹³ http://www.financialstabilityboard.org/cos/key_standards.htm.

¹⁴ Там же.

законодательство на основе формального закрепления правил стандарта в обязательном для применения акте в рамках международного мандата соответствующей организации.

Роль контролеров выполнения стандартов и кодексов принадлежит МВФ и ГВБ. Фонд максимально стимулирует присоединение государств-членов к выполнению кодексов и стандартов и контролирует их соблюдение. Основным механизмом контроля выступает «Инициатива в отношении соблюдения стандартов и кодексов»¹⁵, в рамках которой МВФ оценивает степень прогресса в выполнении кодексов и стандартов в государстве-участнике, проводит технические консультации и готовит страновой «Доклад о соблюдении стандартов и кодексов»¹⁶. При этом государство — участник МВФ самостоятельно предоставляет сведения о прогрессе в выполнении кодексов и стандартов, а Фонд дает оценку достигнутых результатов. Более того, в последние годы МВФ настаивает на выполнении рекомендаций, содержащихся в докладах о соблюдении кодексов и стандартов, мотивируя это необходимостью предотвращения кризисов и задачей обеспечения финансовой стабильности.

РОЛЬ РОССИИ В МФА

Место Российской Федерации в институциональной структуре МФА в целом можно охарактеризовать как зависимое и не до конца оформленное.

Российская Федерация полноценно участвует в работе целого ряда МФИ. В 1992 г. наша страна присоединилась к статьям Соглашения МВФ и ГВБ, взаимодействует с МАР. В 1997 г. Центральный банк Российской Федерации стал членом БМР. С момента учреждения форума Россия является членом «Группы 20», с 1997 по 2014 г. участвовала в «Группе 8». Россия является членом ключевых институтов, формирующих стандарты: СФС, БКБН, КПРС, СМСБУ, Международной ассоциации страховых надзоров (МАИС), МОКЦБ, КГФС.

Представители Минфина России и Банка России активно участвуют в дискуссиях по всем актуальным вопросам МФА: формирование стандартов пруденциального надзора, отраслевых стандартов и кодексов на отдельных сегментах финансового рынка, полноценно и на высоком профессиональном уровне принимают участие в методологическом взаимодействии с международными финансовыми институтами, отстаивая на глобальных площадках национальные интересы Российской Федерации. Российская Федерация — инициатор целого ряда инициатив «Группы 20», в частности позиции о реформе международной валютной системы в направлении решения проблемы мировых денег.

Тем не менее большая часть инициатив Российской Федерации остается невостребованной на уровне глобальных регуляторов. Предложения России практически не входят в итоговые коммюнике стран «Группы 20». В рамках БМР позиция России в процессе подготовки кодексов и стандартов «зашумляется» интересами стран с системно значимыми банковскими системами. Россия так и не стала полноценным участником ОЭСР и не смогла воспользоваться преимуществами этой площадки для отстаивания своих национальных интересов.

В МФИ, созданных под эгидой ООН, донесение позиции России объективно ограничено относительно небольшой квотой — 2,7%, что не позволяет оказывать существенное влияние на результаты голосования по ключевым вопросам деятельности МВФ.

При этом участие России в МФА становится все более обременительным. Так, ввиду расширения надзорных и контрольных функций МВФ Российская Федерация становится все более отягощенной обязательствами по предоставлению статистической и иной

¹⁵ *The Standards and Codes Initiative.*

¹⁶ *Report on the Observance of Standards and Codes — ROSC.* URL: <https://www.imf.org/en/Publications/rosoc>.

информации Фонду. В то же время все «дороже» нашей стране обходится участие в надзорных мероприятиях МВФ и ГВБ, в частности во взаимных проверках, приеме технических миссий и т. д. Так, в 2021 г. объем проведенных оценочных мероприятий в рамках Программы оценки финансового сектора уже в 3–4 раза превысил масштабы аналогичной проверки 2011 г.¹⁷ Причем сфера проверок международных финансовых организаций расширилась с организаций финансового рынка до государственных учреждений и организаций реального сектора экономики, включая субъектов малого и среднего предпринимательства.

В то же время Российская Федерация остро нуждается в участии в институтах МФА. Во-первых, наша страна заинтересована в увеличении доли голосов крупных развивающихся стран в международных финансовых институтах и в их консолидации в целях коллективного противодействия доминированию развитых стран. Уже сейчас позиции крупных развивающихся экономик согласовываются и координируются по ключевым вопросам глобальной финансовой повестки в рамках организаций БРИКС, АТЭС, ШОС. Причем страны — участницы данных объединений готовы к консолидации своих позиций в рамках процедур выработки решений в МФИ.

Во-вторых, Российская Федерация заинтересована в реформировании системы управления МФИ международными финансовыми институтами в целях усиления присутствия в них представителей крупных развивающихся экономик. В настоящее время основные усилия сосредоточены на модификации порядка формирования руководящих органов МВФ в направлении открытого, прозрачного отбора кандидатов с учетом их профессиональных качеств, опыта работы и других факторов. Российская Федерация заинтересована в возможно более широком географическом, социально-экономическом представительстве в органах управления МВФ развивающихся стран.

В-третьих, РФ заинтересована в повышении представительности и вовлеченности развивающихся стран в разработку и утверждение кодексов и стандартов поведения в различных сегментах финансового рынка. Недостаточный учет мнения формирующихся рынков при создании кодексов и стандартов влечет их явные и скрытые издержки, что подтверждается неоднозначными итогами, например имплементации стандартов банковского надзора в развивающихся странах. В связи с этим усилия Российской Федерации в рамках участия в «мягкоправовых» институтах направлены на выработку более прозрачных и демократичных процедур разработки и утверждения кодексов и стандартов, в том числе в рамках СФС.

Более существенна роль Российской Федерации в функциональной структуре МФА. Выступая страной с устойчивым платежным балансом, Российская Федерация является участником финансовых операций МВФ (План финансовых транзакций) и его кредитором по линии Новых соглашений о займах (НСЗ) и Двусторонних соглашений о заимствованиях (ДСЗ). В настоящее время Российская Федерация подписана на предоставление МВФ ресурсов в объеме 8,9 млрд долл. СДР в рамках НСЗ¹⁸ и на 3,9 млрд долл. СДР в рамках двусторонних соглашений о заимствованиях¹⁹. Размер ресурсов, предоставленных Российской Федерацией в пользу заемщиков по линии механизмов МВФ, внушительен — совокупный остаток задолженности составляет 3,7 млрд долл. СДР²⁰. Кроме того, наша

---

¹⁷ О результатах прохождения Банком России процедур по Программе оценки российского финансового сектора (Financial Sector Assessment Program, FSAP). URL: http://www.cbr.ru/press/pr/?file=14072016_175215_sbrfr2016-07-14t17_31_58.htm#highlight=fsap.

¹⁸ Schedule of Effective NAB Commitments in the General Resources Account at April 30, 2021 and January 31, 2022.

¹⁹ Schedule of Effective Bilateral Borrowing Agreements in the General Resources Account at April 30, 2021 and January 31, 2022.

²⁰ Там же.

страна — участник программы официальной помощи развитию в рамках ГВБ в размере около 1,2 млрд долл. США.

Однако статус России как финансового донора МФИ не позволяет нашей стране активно влиять на решения, принимаемые на уровне МФА. Роль России в качестве кредитора в рамках Плана финансовых трансакций МВФ практически не дает нашей стране возможности участвовать в выборе государств-заемщиков. Неэффективным с точки зрения влияния на решения МВФ является и кредитование в рамках НСЗ и ДСЗ.

В то же время ресурсы МВФ, направленные в пользу Российской Федерации в форме распределенных СДР (на общую сумму 18 млрд долл. США, в эквиваленте), в силу особого статуса счетной единицы не могут быть задействованы в решении актуальных национальных экономических задач.

Представляются актуальными следующие основные направления трансформации участия России в функциональной структуре МФА [Навой, 2013].

Во-первых, реформирование института СДР и его превращение в полноценную форму наднациональных денег, близких по свойствам к мировым деньгам. Данное направление регулирования обусловлено фрагментацией международной валютно-финансовой системы в связи с принятием односторонних конфискационных мер развитыми странами в отношении России. Эрозия института резервных валют в качестве заменителя мировых денег выдвигает на первый план задачу создания нового, защищенного от геополитических рисков инструмента международных расчетов.

Во-вторых, реактивация процесса признания статуса региональных свободно используемых валют в рамках положений статей Соглашения МВФ и закрепление такого статуса за российским рублем. Предшествующие попытки России поднять данный вопрос оказались безуспешными, однако в новых геополитических реалиях потребность в закреплении статуса региональной «резервной» валюты за своими денежными единицами может быть поддержана крупными развивающимися странами, прежде всего Китаем, Индией, Турцией, Бразилией. Тесно сопряженным с вопросом о статусе региональных «резервных» валют является вопрос об их включении в расчет корзины СДР. Данная позиция связана в том числе с решениями «Группы 20» о расширении корзины СДР за счет новых валют²¹.

В-третьих, инициация внесения изменений в статьи Соглашения МВФ, направленные на недопущение односторонних конфискационных мер со стороны отдельных стран — членов Фонда, которые создают угрозы для финансовой стабильности и реализации его мандата, а также прямо нарушают положение статей Соглашения. Новые геополитические реалии показали, что глобальные финансовые риски не купируются, а, напротив, генерируются самими же странами — членами МВФ, в том числе в форме замораживания резервных активов и введения ограничений на конвертируемость по текущим операциям платежного баланса. Российская Федерация заинтересована в максимально широком освещении рисков таких односторонних санкций и нарушения недружественными странами положений статей Соглашения МВФ.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Нам представляется, что с учетом возросшей «платы» за участие Российской Федерации в МФА (кредитная нагрузка на экономику, выполнение обременительных требований в отношении имплементации стандартов регулирования национального финансового рынка и банковской системы, участие в масштабных международных проверках) и ограниченного влияния России на принятие решений в рамках международных финансовых институтов модель участия нашей страны в МФА должна быть скорректирована.

²¹ См.: Declaration. Building our Common Future: Renewed Collective Action for the Benefits of All. URL: [http://www.g20.org/Documents2011/11/Cannes Declaration 4 November 20.](http://www.g20.org/Documents2011/11/Cannes%20Declaration%204%20November%202011)

Полагаем, что новая форма организации международного взаимодействия должна предусматривать сохранение полноформатного участия представителей Российской Федерации в органах управления и дискуссиях на уровне международных финансовых институтов, использование площадок международных форумов для отстаивания национальных интересов России. Вместе с тем оправданным является более консервативный, сдержанный подход к участию в реализации инициатив МФИ, затрагивающих национальный финансовый рынок.

Имплементация принципов поведения и регуляторных норм участников национально-финансового рынка должна основываться на учете специфики и стадии формирования финансового сектора России, базироваться на собственных интересах нашей страны на глобальном финансовом пространстве вплоть до замораживания ряда мер, не приемлемых с точки зрения целей развития страны. Такой прагматичный подход, на наш взгляд, позволит использовать все преимущества участия в структурах МФА, минимизировав негативные последствия для национальной финансовой системы.

По нашему мнению, новая модель взаимодействия с международными финансовыми институтами будет отражать адаптацию Российской Федерации к трансформации роли самой МФА в глобальном регулировании, в основе которой лежит создание системы институтов, нацеленных на продвижение экономических интересов развитых стран, слабо сопряженных с задачей поддержания финансовой стабильности и с интересами развивающихся экономик. Полагаем, что в этих условиях глобальные инициативы, формируемые на уровне МФА, должны передаваться на национальный уровень только с учетом национальных интересов. В отношении политики России в рамках институтов МФА новый подход может выразиться в возвращении к практике мер контроля за движением капитала, входящих в противоречие с положениями ст. 8, ст. 14 Соглашения МВФ; в отказе от режима свободного плавания рубля; в увеличении сроков имплементации стандартов «Базель III» в российскую банковскую систему; в ограниченном участии в предоставлении данных в рамках FSSA, FSAP, FSI, SDDS.

В глобальном масштабе более прагматичный подход к инициативам МФА со стороны крупных развивающихся стран будет способствовать более справедливой расстановке сил в институтах МФА.

Список источников

Архипова В. В. Современные проблемы развития и перспективы реформирования мировой финансовой системы: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Москва, 2015.

Звонова Е. А., Ершов М. В. и др. Реформирование мировой финансовой архитектуры и российский финансовый рынок: монограф. / под ред. Е. А. Звоновой. Москва: Русайнс, 2016. 430 с. <https://doi.org/10.15216/978-5-4365-0570-1>.

Кудряшов В. В. Международные финансовые стандарты как концепция регулирования международных финансовых отношений // Право и экономика. 2014. № 1. С. 64–71.

Кузнецов В. Что такое глобализация? // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2.

Навой А. В. Тенденции развития центральных банков в условиях глобализации экономики: дис. ... д-ра экон. наук. Москва: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 2013.

Пентиле Р. Политическая анатомия «Большой восьмерки» // Международные процессы. 2007. № 2.

Шишков Ю. В. Мировая финансовая система: необходимость реформ // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 11.

Brummer C. Why Soft Law Dominates International Finance – And Not Trade // Journal of International Economic Law. 2010. Vol. 13. Iss. 3. P. 623–643. <https://doi.org/10.1093/jiel/jgq026>.

DeGuttry A. The Institutional Configuration of the G-7 in the New International Scenario // The International Spectator. 1994. Vol. 29. Iss. 2.

References

- Arkhipova V.V. (2015). Modern Problems of Development and Prospects for Reforming the Global Financial System: Abstract of the Dissertation for the Degree of Candidate of Economic Sciences. Moscow (In Russ.).
- Zvonova E.A. Ershov M.V. et al. (2016). Reforming the Global Financial Architecture and the Russian Financial Market: monograph. Ed. by E.A. Zvonova. Moscow: Rusains publ. 430 p. (In Russ.). <https://doi.org/10.15216/978-5-4365-0570-1>.
- Kudryashov V.V. (2014). International Financial Standards as the Concept of the Regulation of International Financial Relations. *Pravo i ekonomika – Law and Economics*, no. 1, pp. 64–71 (In Russ.).
- Kuznetsov V. (1998). What is Globalization? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*, no. 2 (In Russ.).
- Navoy A.V. (2013). Trends in the Development of Central Banks in the Context of the Economy Globalization. Dissertation, Ph.D. in Economics. Moscow: Financial University under the Government of the Russian Federation (In Russ.).
- Penttilä R. (2003). The Role of the G8 in International Peace and Security. New York: Oxford University Press.
- Shishkov Y. (1999). The Global Financial System: the Need for Reform. *World Economy and International Relations*, no. 11 (In Russ.).
- Brummer C. (2010). Why Soft Law Dominates International Finance – And Not Trade. *Journal of International Economic Law*, vol. 13, iss. 3, pp. 623–643. <https://doi.org/10.1093/jiel/jgq026>.
- DeGuttry A. (1994). The Institutional Configuration of the G-7 in the New International Scenario. *The International Spectator*, vol. 29, iss. 2.

Информация об авторе

Антон Викентьевич Навой, доктор экономических наук, доцент, профессор департамента «Мировые финансы» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Information about the author

Anton V. Navoy, Doctor of Economic Sciences, Docent, Professor of the Global Finance Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Статья поступила в редакцию 07.09.2022
Одобрена после рецензирования 30.11.2022
Принята к публикации 09.12.2022

Article submitted September 7, 2022
Approved after reviewing November 30, 2022
Accepted for publication December 9, 2022